

НАТАЛЬЯ БОРИСОВА

Куда уходит нежность?

ЗАПИСКИ НАСТИ ЯНВАРЕВОЙ

Наталья Борисова

**Куда уходит нежность?
Записки Насти Январевой**

«Издательские решения»

Борисова Н.

Куда уходит нежность? Записки Насти Январевой /
Н. Борисова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833468-9

«Теплый душевный роман о поколении конца семидесятых, о студенчестве, о любви и надеждах — без всякой политики и притязаний на премии. В памяти воскресают лучшие моменты нашей жизни. Я читаю и вспоминаю — это же было, было! Какими мы были чистыми, наивными, как слепо верили, что впереди только радость, а плохое обойдет стороной, как мечтали о любви. Вся институтская жизнь была пропитана этим ожиданием любви». Ирина Гатальская

ISBN 978-5-44-833468-9

© Борисова Н.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Родом из детства	8
Глава 2. Проба пера	11
Глава 3. Судьбы повороты	18
Глава 4. Первокурсница	21
Глава 5. Люди влюбляются, женятся	25
Глава 6. На острове Юности	28
Глава 7. Колхозная эпопея	31
Глава 8. Преимущества общежития	34
Глава 9. Вечер испанской кухни	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Куда уходит нежность? Записки Насти Январевой

Наталья Борисова

© Наталья Борисова, 2016

ISBN 978-5-4483-3468-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Маргарита Майновская,

выпускница ИГЛУ,

переводчик, филолог

Интересная штука – память. Словно щелкаешь невидимым тумблером – и вот она преподносит тебе нужные события, эпизоды твоей жизни, словно из чемоданчика с коллажем на заданную тему.

Поступление в иняз, год 1975. Вокзал, конец июля. Билетов нет – люди возвращаются из отпусков. Для моих родителей такое событие, как мой отъезд, снова оказалось полной неожиданностью, как и мой выпускной бал с его белым платьем. Позаботиться о билетах заранее никому не пришло в голову, хотя я всем уши протрещала про Иркутский иняз и еще полгода назад получила из приемной комиссии всю необходимую информацию. На ближайшие несколько дней билетов не было. А первый экзамен – послезавтра. И вот мы с подругой – две семнадцатилетние пичужки – в вагоне, наполовину забитом солдатами. Доехали до утра, а там – здравствуй, незнакомый город Иркутск! И все беседы с солдатиками, обещания писать – все куда-то ушло, стало незначительным, размытым, как кадр в расфокусе. Иркутск после просторного, более людного и современного Красноярска мне не понравился, показался каким-то заштатным городишкой. Это позже пришло понимание шарма деревянно-каменных уездных городков. Но не тогда.

Спортзал. Нам сразу сказали: «Общежития не будет – на ремонте. Кто не в состоянии оплачивать съемное жилье, все – в спортзал». Правда, это относилось только к девочкам. До сих пор помню это разноцветье шумной, многонациональной девичьей толпы, заселившей спортзал. Нас, наверное, было не менее сорока. Украинки, русские, бурятки, белоруски, молдаванки – все представительницы тогда еще большой и сильной страны. Выдали нам по раскладушке и – удачи, девчата!

Отдельным островком держались девушки из Бурятии. Почти все они имели республиканские направления и, зная, что «национальному кадру» это добавит баллов, особо с подготовкой не парились. Вокруг их раскладушек батареями стояли бутылки с газировкой, пирожные, печенье. Было ощущение, что дома их лишали всех этих радостей и теперь они «догоняли». Еще казалось, что у них была одна фамилия – Раднаева, красивая, но общая, одна для всех. Многие из них и впрямь состояли в родстве.

«Женская абитура» читала, зубрила, а те, кто уже сдали экзамены, мучили расстроенное пианино, пели и просто болтали. Перезнакомившись, девчата начали кучковаться в зависимости от факультета, расписания занятий и симпатий.

Наташа. В дружном строе наших раскладушек ее стояла особняком. Все, что я знала о ней тогда – только имя. Тихая, очень спокойная девочка с милovidными чертами лица, в очках, с «хвостиком», крашенная под блондинку. Постоянно что-то вязала, что-то учила, сдержанно отвечала на вопросы, но первой в разговор не вступала. Уже тогда она была взрослее многих из нас. Ее уравновешенность, казалось, говорила, что она знала о жизни гораздо

больше, чем мы с подружкой, незрелые, совсем не подготовленные к самостоятельной жизни. И просто неслыханной крамолой, бунтом показался ее протест против полученной оценки за сочинение. Откуда вдруг взялась такая самоуверенность? Сработало – исправили. Позже стала известна информация из серии: «А судьи – кто?» Проверяли сочинения не вузовские и даже не школьные «русаки», а инязовские преподаватели. Училась Наташа ровно и спокойно, и тогда я этот ее абитуриентский бунт восприняла как одноразовый протест, за которым других (на моей памяти) не последовало. Прошли годы – и вот я читаю ее рукопись. Нет, ничего не было случайного. Это просто человек нес в себе глубину, не выстреливая по пустякам, что-то осмысливая, накапливая. Она знала свой потенциал.

Галка. Как-то странно возникла потребность рассказать еще об одной девочке. Милое, мягкое создание – полноватая, улыбчивая. При поступлении даже перебрала количество баллов. Все это демонстрировало интеллектуального ребенка, отличницу. Но впечатление это оказалось обманчивым. Позже, когда некоторые преподаватели умоляли ее, как совершенно бесперспективную студентку, оставить институт, и 5-ка на экзамене по языку, и сам факт поступления в языковой вуз – все показалось странным. И лишь на 4 курсе выплыла правда – одна из преподавательниц дружила с ее матерью.

Почему я ее вспомнила? Потребность судить? Есть такой грех. А, может, стало обидно за подругу, которой до поступления не хватило всего-то полбалла. Всю жизнь я была непримирима к непрофессионализму, «блату». Правда, принцип оказался каким-то хлипким. Теперь каждый постулат мне представляется чем-то вроде двуликого Януса – распространяется на других. А вот когда дело доходит до тебя самого... Разве хватило когда-нибудь сил отказаться, благодаря добрым связям, от «теплого» местечка для себя или любимого чада? Уже будучи молодой учительницей, я оказалась на ежегодной августовской конференции и разговорилась с учителями из школы, где трудилась Галка. Они с таким восторгом отзывались о ней, как она любит детей, как обожают ее дети. А может, и нет такой уж необходимости, работая в школе, быть лингвистом экстра-класса? Достаточно знать какие-то основы и, главное, любить детей? Скорее всего, так.

Но я из школы ушла. По своим мотивам.

Михаил Сергеев,
писатель

Из сотен книг, прочитанных мною за последние годы, твоя – самая легкая, летящая, радостно уносящая туда, где и я был, где мы хотели быть, где я лет сорок оказывался во сне – будто не готов, а завтра экзамен, или хуже того – залил диплом пивом. Читаю в такое удовольствие, что боюсь окончания. Пока мне кажется, что книга твоя – особый вид удовольствия, нет, особенный, который может сделать ненужным описание впечатлений. Слишком хорошо и немного больно. Так что заранее говорю большое спасибо за путешествие в страну грез, планов и мелких, мелочных (по сравнению с будущими) разочарований. Ты не знаешь, какую чудесную вещь написала, а для определенного круга – незаменимую. А мне – греющую душу меж той литературой, которую я заставляю себя читать по другим мотивам.

Я даже как-то взялся за поиск подобных книг, где отдыхаешь душой, а не просто отвлечен неизвестностью, как в детективах – это прием десятком планок ниже, но безуспешно. Один Довлатов и остался. Твоя книга чуть другого жанра, но столь хороша и редка, что не хочешь читать быстро. Ты буквально открыла для меня иной жанр, выполняющий ту, главную цель, которая сближает людей, дает им глоток чего-то доброго, близкого каждому – ибо у всех была мама, родные, друзья. Это нечтение таких книг приводит украины к беде. Нелюдям, которые бесчинствовали в Донбассе, нечем в той стране напомнить, что и у них была мать. Но была ли?

Так вот ты каждому напоминаешь, а местами подаешь те кусочки доброты, которые остались незамеченными нами в юности... да и потом.

Глава 1. Родом из детства

По-настоящему раскрыться в общении с друзьями, выйти из скорлупы своего скрытного характера я смогла не сразу. Первый курс я «мыкалась» на съемных квартирах, не имея возможности поселиться в общежитии, как многие мои одногруппники, счастливчики, с первых дней окунувшись в студенческую среду и познавшие радость присутствия дружеского локтя. Я жила в Ново-Ленино и сорок минут добиралась до института, промерзая в автобусах, мучаясь от голода, не утоляемого случайными перекусами. Единственной точкой опоры, светлым пятном в начале моей студенческой жизни была двоюродная сестра Вероника. Мы встречались после занятий, чтобы излить друг другу душу, обоюдно подпитаться родственным теплом. Наш излюбленный маршрут начинался с улицы Ленина, где находился мой институт иностранных языков имени Хо Ши Мина, впечатляющее здание с высокими белыми колоннами. Затем мы поворачивали на городской «бродвей» – улицу Карла Маркса – и держали направление к пельменной, где терпеливо (оно того стоило!) выстаивали длинную очередь, чтобы отведать порцию приготовленных по-домашнему пельменей. По торговой улице Урицкого добирались до центрального рынка, и в толпе народа ожидали «гармошку», автобус, следующий к месту моей глухой «ссылки» – отрезанному от города микрорайону Ново-Ленино. Здесь мы расставались до завтрашнего дня.

Путь наш был долгим, но за разговорами не замечались ни пройденные километры, ни затраченное на дорогу время. Наши души соединялись, и в таком состоянии мы крепчали силой духа. Как птенцы, выброшенные из родительского гнезда, мы учились самостоятельно выживать в бурном житейском море.

У Вероники адаптация проходила менее болезненно. Она училась в пединституте на дефектолога-логопеда и уже обладала опытом выживания в отрыве от семьи, перейдя из одного состояния «общего жития» в другое, ему подобное. Имея глухонемую мать, которая не могла обеспечить ей полноценное воспитание, моя сестра всю сознательную жизнь провела в интернатах. Отца своего Вероника не знала, хотя, обладая богатой фантазией, правдоподобно рассказывала о том, что он постоянно искал с ней встреч. Я понимала, что эти «сказки» порождало естественное желание Вероники, как и всех детей, иметь отца, поэтому слушала ее, и душа моя сжималась от боли за сестру, лишенную такой жизненно важной составляющей, как отец.

Конечно, в природе он существовал, этот обладатель густой шевелюры темных волос, этот любитель выпить – веселый сапожник Иван. Глухонемая Валя, мать Вероники, безоглядно бросилась в его объятия. Они зачали ребенка на сеновале, будучи свободными от людских предрассудков, и это сказалось на характере моей сестры. Унаследованные от отца веселый нрав и свободолюбие, а также густая шапочка черных кудрявых волос придавали ее лицу неповторимый шарм. От матери ей достался простовато вздернутый, курносый носик, широко распахнутый наивный взор и вечное удивление в глазах.

Вместе взятые черты лица, необычайная говорливость и простодушие вызывали такое расположение, что люди тянулись к Веронике, как подсолнухи тянут свои головы вслед за солнцем. Друзей и подруг у Вероники было море, и просто удивительно, как я могла не потеряться в этом людском водовороте, обладая такими непривлекательными, на мой взгляд, чертами характера, как молчаливость и сдержанность. Более того, по степени значимости для себя Вероника называла меня генералом в сравнении с людьми, ее окружавшими. Имея привычку «семь раз отмерить, прежде чем отрезать», для своей сестры, обладающей чрезмерной экспансивностью в проявлении чувств, я была тем самым прохладным ветерком, который в нужный момент остужал ее горячую голову. При всей нашей внешней разительной несхожести (я – на полголовы выше Вероники, голубоглазая и светловолосая «рыжуха», как называли меня родители) мы составляли единое целое, нерушимый союз «Добчинский-Бобчинский».

До десяти лет, пока была жива наша добрейшая бабушка Степанида, Вероника жила в Шеберте, под ее надежным теплым крылышком. Дед Муха относился к девочке со всей строгостью, пресекая на корню непозволительные шалости. Веронику он считал случайным недоразумением, осложнением, которое внесла в его жизнь «непутевая» дочь Валя, и как только бабушка Степанида ушла в мир иной, старик, не мучаясь в раздумьях, «сдал» девочку в интернат. С десяти лет Вероника познавала окружающий мир самостоятельно.

Шеберта взрастила на своих ромашковых полях не только вольнодумную Веронику. Здесь, в крепком бревенчатом доме, провела свое детство и юность моя мама. В большой семье она была младшей и самой любимой. Красивая, гордая, недоступная для деревенских кавалеров, она вызывала восхищение даже у досужих кумушек.

В райцентре мама выучилась на медсестру и навсегда покинула родной дом. На распределении они с подругой обе выбрали поселок Сосновку. Заведующий райздравотделом, глядя на двух молоденьких девчонок, не уступающих друг другу, предложил тянуть жребий. Сломанную спичку вытянула мама, тем самым предопределив судьбы сразу пятерых человек – свою, своих троих детей и моего отца. Претендентов на ее руку было двое – отец, главный инженер леспромхоза, серьезный молодой парень, которому еще в академии предсказывали: «Этот далеко пойдет», и его друг, высокий красавчик и неутомимый весельчак-оптимист. Пользуясь более высоким служебным положением, отец перевел «к черту на кулички» приятеля, составившего ему конкуренцию, и облегчил нелегкий выбор мамы.

Эта история об устранении соперника стала одной из семейных легенд, которую родители любили пересказывать, каждый раз облакая в новые подробности. Я слушала их воспоминания с замиранием сердца. Сколько судьбоносных случайностей в жизни, от которых зависело мое появление на свет: сначала сломанная спичка, затем мамин определяющий выбор. Несомненно, отец поступил мудро. Не прими он таких крутых мер, у мамы родились бы другие дети. Увы, это были бы не мы!

Мы явились на свет один за другим: брат и две сестры, не давая матери ни малейшей передышки. Трое детей в семье – это нагрузка, которую выдержит не всякая женщина. Мама была на редкость выносливой, ее закаляли трудности военного детства, но и ей приходилось нелегко. Все домашнее хозяйство лежало на ее плечах. Отец «горел» на производстве, целиком отдавая своей работе. Конечно, он любил своих детей, но мы для него были, как цветы, которые росли на соседской клумбе: любоваться не запрещалось, но кропотливым уходом занимались другие.

Бабушка Степанида, желая помочь дочери, на все лето забирала нас к себе. Радость наша была неопишуемой. В городе с его промышленными выбросами, где мы жили, не было такой чудесной природы: лугов, заросших глазастыми ромашками, чистого березового леса, озера, подернутого тиной, и, главное, того особенного воздуха, настоящего на ароматах разнотравья.

Весь день предоставленные сами себе, мы с утра уходили на озеро и купались до «гусиной» кожи, до синих губ. Нам никогда не было скучно. Легкая на выдумки, Вероника без труда верховодила деревенской детворой. Без ее участия не обходилось ни одно «культурное» мероприятие. В огромном сарае с сеновалом наверху под ее руководством устраивались самодеятельные концерты. Мы рядились в длинные платья, наклеивали лепестки герани на губы и пели, плясали, читали стихи. Деревенские девочки, явно уступая нам в выдумке и артистичности, смотрели на наши «экспромпты» с плохо скрываемой завистью. Самым ярким цветком среди нас была младшенькая Таисия. Даже не цветком, а бутончиком, еще не распустившимся, не показавшим, что там внутри, но уже притягивающим взоры своей скрытой загадкой.

Как-то целую неделю шел проливной дождь, принуждая нас к невольному домашнему заточению. Придорожные канавы наполнились водой до самых краев. Вдруг ярко засияло солнышко, мгновенно разогнав хмурые тучи и наполняя воздух долгожданным теплом.

– Смотри, сколько воды натекло в канавы! – сказала Вероника, выглядывая в окошко. – Айда купаться!

Я радостно подхватила с места, ни секунды не сомневаясь в разумности предложения. Мы плюхнулись животами в мутную коричневую воду и, поднимая грязные брызги, радостно забили ногами.

– Глядикось, что вытворяют Муховы внучки! Ремня дать некому! – смотрели с недоумением деревенские обыватели, и даже гуси, перестав щипать траву, застывали в столбняке с вытянутыми шеями.

Мы бесновались до тех пор, пока в поле зрения не попала следующая картинка. Со стороны железнодорожной станции по улице двигалась наша старшая двоюродная сестра Алина. Студентка университета, веселая красавица-хохотунья, расточавшая вокруг себя флюиды счастья, она была для нас «лучом света в темном царстве». Алина шла с поезда, несла сумку, в которой всегда были подарки для сестер. И вдруг взгляд ее остановился на двух полоумных девчонках, купающихся в грязной канаве. Не затруднив себя поиском нужных слов, способных выразить степень ее негодования, Алина подняла с земли хворостину. Теперь она шла навстречу нам устрашающим танком. Мгновенно оценив степень опасности, мы покинули неприглядную «купель» и взяли направление к бочке, наполненной дождевой водой. Для своих юных лет мы были не глупыми девчонками, хоть и позволили себе купаться в сточной канаве.

С приходом старшей сестры все вокруг озарялось веселым городским духом. Алина энергично бралась за уборку, и старый дом тети Серафимы преобразался в светелку с чисто вымытыми окнами и полами. Алина стряпала пышные булочки с брусникой, легкой птицей порхая по кухне. В ту пору она была для нас тем самым звеном, которое связывало наше детское воображение с другим, таким волнующим внешним миром.

Глава 2. Проба пера

Алина всегда считала своим долгом направлять младших сестер на путь истинный. Когда мы, повзрослев и поумнев, окончили школу и приехали в Иркутск поступать: я – в университет на журналистику, Вероника – в пединститут на дефектолога-логопеда, она взяла нас под строжайший контроль. Жесткие требования – забыть танцульки, готовиться и готовиться, не покладая рук, – обсуждению не подлежали.

Алина была замужем за геологом Владиславом, который еще в Шеберте заприметил бойкую на язык девчонку с милыми ямочками на щеках. Взрослому, много чего повидавшему бородатому мужику, кочующему со своей партией в поисках земных кладов, звонкоголосая девушка показалась чистым сокровищем в деревенской глуши. Все два года, пока их партия находилась в окрестностях Шеберты, он на нее поглядывал. И когда Алина, окончив школу, поступила в Иркутский университет, Владислав отыскал ее в большом городе и выхватил из клоповной среды общежития: «Жить будешь у моей матери». Девушка скромно разместилась в проходной комнате. В небольшой двухкомнатной квартире вместе с ними обитала собака лайка по кличке Динга. Варвара Ивановна, мать Владислава, оказалась не такой благодушной и покладистой, какой выглядела при первом знакомстве. Студентка, не имеющая ни кола, ни двора, из тех, что «понаехали», Алина молча сносила едкие упреки, на которые в отсутствие сына не скупилась хозяйка драгоценных квадратных метров.

Рождение ребенка прибавило шанс на снисхождение. Маленький Андрейка был пухлым, упитанным крепышом, и Варвара безоглядно отдала ему всю себя, воркуя над мальчиком хлопотливой голубкой, заботливо сдувая пылинки. Все, что ни делала Алина, вызывало приступы болезненного раздражения и подвергалось критике. Казалось, свекровь намеренно раздувала искры из еле тлеющего уголька, чтобы вспыхнула и разгорелась ссора.

Когда мы, две абитуриентки, появились в этой квартире, надеясь получить здесь временный приют, мы ни сном, ни духом не подозревали о царящем в этих стенах противостоянии. Варвара оказалась первой серьезной закавыкой на пути постижения мира, который простирался за пределами семейного очага. Первым человеком, давшим понять, как непрост этот мир, в котором мы должны были найти себя и утвердиться.

Прилавки магазинов в ту пору были пустыми, как закрома церковной мыши. Понятие «купить» ненавязчиво вытеснялось другим словом – «достать». «Доставали» продукты те, кто стоял у истоков их производства и распределения. «Достать по благу» значило иметь с такими людьми хорошие отношения. Соседка, работница мясокомбината, время от времени приносила в дом внушительный сверток сосисок, которые *доставала* по заказу Алины. На столе был праздник. Однако сосиски имели свойство заканчиваться. Когда этот неприятный момент приближался, Варвара, сжав трубочкой руку, шипела на ухо жующему Андрейке:

– Скажи им, чтобы сосисок тебе на утро оставили. Тебе и бабуленьке твоей покушать!

– Не хочу! – мычал набитым ртом Андрейка.

– Кому говорю: скажи! – Варвара угрожающе морщилась. Андрейка портить отношения с бабушкой не хотел и, ломая себя, вставал перед матерью с опущенной головой и срывающимся голосом просил:

– Мама, оставь нам сосисок на утро.

– Ты что, рехнулся?! – Алина покрывалась краской.

Повинуясь железному взору Варвары Ивановны, Андрейка подходил ко мне, и, отведя глаза в сторону, спрашивал:

– Настя, ты утром оставишь мне сосиску?

– Какую сосиску? – отрывалась я от книги.

Варвара сидела на диване, вытянув ноги, и, как режиссер, добросовестно отработавший все актерские роли, внимательно следила за происходящим спектаклем.

Возвращаясь из института, мы часто сталкивались с закрытой дверью и просиживали в подъезде битых три часа. Наконец на лестнице слышалось знакомое хриплое дыхание.

– Кто опять крышку почтового ящика отворачивал? – спрашивал Андрейка, сохраняя ворчливые интонации «бабуленьки».

– Никто не отворачивал! – отвечала я.

– Ты не отворачивала, значит, сестра твоя отвернула, – недобро опровергала Варвара. – Сколько раз я говорила вам, чтоб не лазили по ящику! Бабушка ваших писем не тронет. Все будут лежать на столе. В следующий раз буду ожидать вас у ящика с ремнем!

Мы хранили недружелюбное молчание.

– Почему у *нее* (она не снисходила до того, чтобы называть невестку по имени) ключа не возьмете? По вечерам блудит, пусть берет ключ. А сейчас он ей зачем? Сестреночка ваша! – голос Варвары набирал привычную язвительность. – Сколько в ней строгости! Вас ругает, а сама и стипендию могла не получить. Бабушка полы в подъезде мыла, чтобы хлебушка купить. Я вчера напоминала, что мы с Андрюшей пойдем в зверинец. Бабушка хоть и старый человек, а всегда предупреждает, куда идет!

– А нам все равно пришлось три часа стоять в подъезде, – заметила Вероника.

Мы стойко отмолчались в ответ на предложение выпить чаю, и даже когда «бабуленька» вышла из дома, остановили себя на полпути к холодильнику.

По утрам Варвара, закрываясь сложенной газетой, жевала колбасу. Затем торопливо заворачивала оставшийся кусок в бумагу, совала его в холодильник, а шкурки выбрасывала в окно. Непонятно, к чему была такая конспиративность?

– Ну, а вы, барышни, умывались? – звучал ее вопрос. – Идите чайку попейте. Есть пока нечего.

Прикончив яичницу, которую жарила для Андрейки, «бабуленька» выходила на балкон и разводила разговоры с жильцом верхнего этажа: как здоровье, как ребенок, а вы знаете, что ваш смысленный малыш отправлял меня в роддом купить ему сестренку? Да кто же меня, старую дуру, туда пустит? Варвара смеялась, довольная своим остроумием, и потом в течение получаса умилялась собакой:

– Ты собачка, да? Собачка! Ты мой лучший друг. Даже собачка ласкается ко мне. Собаки чувствуют хорошего человека. Их не обманешь.

И неожиданно гнала Дингу с балкона, приговаривая: «Пошла отсюда, свинья!», тащила упирающуюся собаку в ванну и принималась ее мыть. Покорившись судьбе, Динга, мокрая и облезлая, неподвижно стояла в воде, а Варвара напевала:

– Сжарилась ты на солнце, бедняжка! Бабушка тебя помрет. Бабушка всех жалеет, печется душой!

Воспользовавшись благоприятным моментом, Динга выскакивала из ванны, как черт из табакерки, и мчалась на балкон, отряхиваясь от воды и громко стуча «копытами».

– Пошла в будку, паршивка! – кричала Варвара. – Кому говорю! Ишь ты, сраная!

Шаркая тапками, исчезала на кухне. Кряхтя, доставала кастрюлю и принималась рыться в бесчисленных пакетах с крупой. Намечался какой-то супчик.

– А что ты делала так поздно в туалете? – спрашивала она вдруг у Вероники, вспомнив, что там долго горел свет. – Учила? У нас можно учить в туалете: запахов там нет. Бабуленька всегда сушит тряпочки, чтобы сыро не было. А вы что, забастовку сегодня устроили? Так я же, по-моему, не давала для этого повода.

Безмолвно копошилась на кухне, позвякивая тарелками. Не дочитав хронику Курской битвы, Вероника уснула. Проснулась от грубоватого толчка в спину:

– Иди, ешь суп!

– Я не хочу!

– Ну, что же, в постельку подам! – кривила лицо Варвара. – Отравленной пищи я не готовлю, как ваша сестрица.

– Я подожду Настю.

– Мое здоровье не подождет!

Вероника шла к столу и без хлеба глотала остывший суп.

– А ты не крути носом, – выговаривала бабушка. – Вы все много желствуете. Я правду говорю. Зачем *она* Андрейку уродует? Повезла ребенка на море, чтобы голых баб и мужиков на пляже показывать. (Андрейка сидел рядом притихший, весь внимание). Я вот в Ленинграде по музеям и театрам его водила. Ребенок прекрасное познавал, а не распутство. Не видел он пьяных мужиков. Она-то пусть смотрит, ей они по душе.

– Зачем вы говорите при ребенке плохо о его матери? – спросила Вероника.

– Ешь кашку! – обратилась бабушка к внуку, словно не услышав вопроса. – А ты зря нос воротишь! Зря! Видимо, у вас эта злость врожденная.

– А у вас – лицемерие и подхалимство, – едва не слетело с языка Вероники, но она сдержалась.

Как-то в отсутствие Варвары раздался звонок. В дверях стоял коротенький, какой-то мизерный дядька. Он держал в руках посылку от Владислава и письмо его бывшей жене. Вернувшись домой, Варвара нацепила очки и тщательно осмотрела коробку.

– Кто развязал веревку?

Обнюхала письмо:

– Кто-то ковырялся здесь!

В посылке оказались прелестные белые туфельки, а кому они: Алине или бывшей жене – непонятно. Разглядывая туфли, Варвара надолго впала в глубокое размышление. О чем она думала? Почему у Владислава не сложились отношения с первой женой? Или как удалось деревенской девчонке из Шеберты свести с ума ее взрослого сына? Может быть, старушка с нахлынувшей грустью вспомнила про свою любовь? До нашего слуха дошел окончательный вывод, последовавший в итоге ее размышлений:

– Нет, нынче нет такой любви! Всю жизнь песни пели.

Мы продолжали готовиться и сдавать экзамены.

Вероника сдала историю на «пять», я написала сочинение на свободную тему «Как не гордиться мне тобой, о, Родина!». Мне нравилось излагать свои мысли, а не заимствовать чужие из учебника. «Свои» мысли экзаменаторы ценят, а штампованные фразы пропускают без внимания. Теперь я принялась за историю, а Вероника готовилась к сочинению.

Алина настаивала на том, чтобы мы хорошо питались. После работы она появлялась с полными сумками, но все это пропадало, не доходя до стола. Исключением оставался ужин, который она готовила, когда мы собирались вместе. С утра Варвара ставила перед Андрейкой «царский» завтрак: яичницу, сосиски, кашку, неизменно приговаривая:

– Я ведь все только для тебя! Сама чайку попила – и ладно!

Андрейка, чувствуя себя на особом положении, кричал с набитым ртом:

– Никому не дам! Никому не дам! Палкой буду отгонять!

Мы тревожно переглядывались: «бабуленька» прочно заложила в шестилетнего ребенка основы эгоизма. Она вводила мальчика в туалет, чтобы торопливо скормить ему кусок колбасы:

– Ешь быстрее, а молочка на кухне попьешь!

В сознании ребенка укрепилось убеждение в том, что я и Вероника – два монстра, вторгшиеся на чужую территорию, всколыхнувшие воду в их тихой заводи. Поддерживая условия борьбы, которую повела бабушка, Андрейка интуитивно искал повод, чтобы кого-то из нас зацепить, и с любопытством наблюдал, что из этого получалось. Чавкая яблоком, он спрашивал у Вероники:

– Вероничка, ты ела у нас яблоки? – не дождавшись ответа, потому что у той спазм негодования перехватывал дыхание, он торжествующе добавлял: – Они кислые, а вы берете!

– Кто по бочке лазил? – доносился с балкона голос Варвары, дополняя череду незаслуженных укоров.

– Вероничка! – радостно кричал Андрейка, отводя от себя подозрения.

– Надо соседям на сохранность отдать бочку! – шипела Варвара. Это плохо скрываемое противостояние могло продолжаться бесконечно, но закончилось в один день, вернее, приобрело другую форму, когда враждующие стороны сняли свои маски и обнажили подлинные лица. В тот день Варвара, как обычно, выгуливала собаку и, вернувшись с прогулки, торжественно заявила Андрейке:

– Посмотри, что тебе Динга поймала!

И подала мальчику птицу величиной с голубя, с хохолком на голове. Один глаз у нее был выклеван, ножки дрожали, сердце отчаянно колотилось.

– Молодец, собаченька! Я тебе сахарку дам за это! Люди хуже собак. Кто ей выдавил глаз? Наверняка, ребятишки игрались! Собака – и та не тронула, лапой придавила, ждала, пока я подойду.

Она принесла клетку, в которой раньше жил хомяк, и посадила в нее птицу. Пленница вертелась по сторонам, чтобы глянуть одним глазом, падала, била крыльями. Клетка угрожающе раскачивалась на оконной створке.

Андрейка в возбуждении вертелся рядом. Варвара наблюдала за ним с чувством глубокого удовлетворения: чего только не сделаешь ради любимого внука. Мы с недоумением смотрели на эту картину, не понимая эйфории бабушки и внука. Я подошла к окну, сняла клетку и выпустила птицу. Та с испугом забилась в темный угол за кровать бабушки.

– Зачем ты ее выпустила? – метнула Варвара злобный взгляд. – Будет пакостить на кровати.

– Эта клетка мала для птицы, разве вы не видите? Не надо было приносить ее в дом.

Я принесла коробку из-под обуви, постелила в нее тряпку. Рядом поставила воду, насыпала крупу. Птица доверчиво устроилась на новом месте, затихла, благодарно косясь одиноким глазом.

– Я тебя не спросила, говно такое! В моем доме она будет мне указывать! Одной не хватало, теперь эти. Доживи до моих лет сначала! Хамка!

– Никто не указывает вам, – дрожащим, но удивительно звонким от волнения голосом сказала Вероника. – А вы сразу «говном» обзываетесь.

Что тут началось! Варвара высказала все, что носила в душе. Мы узнали про себя, что мы «и поганки, и паршивки». Приехали в ее дом, где она хозяйка, стали наводить свои порядки, брали швейную машинку, гладили утюгом.

– Не бывало такого, чтобы за свет семь рублей намотало. Мой сыночек месяцами в неглаженных брюках ходит, а они утюга из рук не выпускают. По холодильнику стали лазить, как у себя дома, – обличала старуха. – Ребенок вчера плакал: хочу колбасы! А они сидят и смеются – колбасу у ребенка съели! Завернула, в самый угол спрятала от вас. Нет! Нашли! Съели!

Ливерную колбасу, которую покупали для собаки, мы попробовали из чистого любопытства. Она оказалась съедобной, более того, обладала необычайно притягательным вкусом. Кусочек был невелик и растаял от одного нашего взгляда. Нам и в голову не пришло, что бабушка берегла его для любимого внука. Поэтому мы улыбались, представляя Андрейку, поедającego ливерку на пару с собакой.

– Целый месяц я кормила их, а они на меня как!

Наливавшийся злобой голос Варвары заполнял всю комнату. Нас потряхивало, как в лихорадке.

– Я напишу твоей матери письмо! Все про тебя напишу! – пообещала бабушка, выпив валерьянки.

С этого дня мы обедали в столовой, хотя денег совсем не оставалось, ведь то, что прислали родители, приходилось делить на двоих. Я готова была умереть с голода, только бы не давать повода этой ханже думать про нас всякие гадости.

– И в чем нас упрекать? – недоумевала Вероника. – Полы моем каждый день, посуду... Собаку выгуливаем, в магазин ходим. Делаем все, о чем нас просят. Чем мы не угодили?

– Тем, что не желаем раболепствовать? – предполагала я. – Лицемерить мы не умеем, да и не хотим, но ведь и против ничего не говорим, зная, что «бабуленька» – человек больной.

– Соседям она высказывала, что ты «избалована достатком», а меня выставила как «бедненькую сироточку», которой обязательно надо поступить.

– Разве не понятно, что лицемерным сочувствием Варвара старалась перетянуть тебя на свою сторону, – возмущалась я и, пытаясь найти в классической литературе аналог Варвары Ивановны, добавляла: – Салтыков-Щедрин образ Головлевой списал со своей матери. Видимо, так же «достала» своим самодурством...

Алина, слушая нас, заметила, что ее свекровь тоже сумела превратить домашнюю обстановку в ад, куда не хочется ступать ногой. А потому она – еще один «сохранившийся доисторический экспонат», достойный описания.

Бедная, бедная Алина, как безрадостно ей тут жилось, переживали мы всей душой. В заботах о сестренках она оживала душой и возвращалась домой с радостью, потому что мы ждали ее с нетерпением, с порога заваливали новостями. Мы оживленно щебетали на кухне, заливаясь веселым смехом. С приходом Алины «время Варвары» заканчивалось, и деспотичная старушка, аккумулируя в себе недовольство, до утра исчезала в своей комнате.

Нам хотелось видеть Алину отдохнувшей от незаслуженных домашних дряг. Чтобы снова заразительным звонким колокольчиком звучал ее смех, как раньше, когда ее считали «лучом света в темном царстве». Чтобы от нее опять исходили удивительные флюиды счастья. Я вдруг почувствовала, как устала от затяжного напряжения в чужом жилище, как мне хочется все бросить и оказаться в тихой благодати родного дома.

Мне приснился удивительный сон. Сверкая солнечными бликами, возле подъезда моего дома плещется море. Волны с глухим рокотом перекатывают друг друга и смиренно разбиваются у моих ног. По лестнице темного подъезда (странно, почему туда не попадали солнечные лучи?) спускается женщина. Ее очертания почти неразличимы, но я узнаю в ней маму. Родной человек даже в многотысячной толпе узнаваем сразу – по едва уловимому жесту, взгляду, повороту головы. Родной человек окружен ореолом твоей любви и обожания. «Мама!» – кричу я и бросаюсь ей навстречу. Но она смотрит отчужденно, осаждает холодным взглядом. И тут я замечаю в ее руках подозрительный белый конверт. «Письмо от Варвары!» – мелькает догадка.

Я всегда удивляюсь своим снам. Они создают поразительные картины и даже замысловатые сюжеты, словно приоткрывают дверку в иной мир, где без всякого нашего участия работает загадочная область мозга – подсознание. Говорят, целый день наш мозг разбирается в том, что увидели зоркие глаза, что услышали чуткие уши. Думает. К вечеру он устает. Человек засыпает, а мозг разбирается в своем хозяйстве. Обо всем, что человек видел и слышал, остаются воспоминания. Мозг их раскладывает по местам. В это время человек видит удивительные сны. К утру уборка заканчивается. Можно начинать новый день.

Этот сон, наполненный яркими красками голубого моря и солнечных бликов, неожиданно подарил мне светлую радость, вернул умиротворение уставшему организму. Перед экзаменом по истории у меня уже не оставалось сил, чтобы волноваться и трястись. Я без очереди проникла внутрь кабинета, выложила перед членами комиссии свой затасканный экзаменационный лист. Вдохнула глубоко и обреченно выдохнула. Вытащила билет.

Я сидела за столом и не могла унять дрожь. Вероника в таких случаях, чтобы побороть волнение, представляла экзаменатора в условиях обыденной жизни: вот он просыпается утром, неумытый, небритый, опухший от сна (зрелище не для слабонервных), идет в туалет и совершает там *незамысловатые действия*, которые уравнивают его с простыми смертными. Картинка, нарисованная воображением, удивительным образом помогает успокоиться. Чуть улыбнувшись, я поднимаю глаза.

Экзамен принимают двое: дядька провинциальной внешности в очках и с лысиной и сердитая, усталая на вид женщина. Я прислушиваюсь к ответам, оцениваю ситуацию. От дядьки все уходит довольные, от женщины – чуть не плача. Говорят хорошо, кругленькими фразами, а преподавательница зевает, отводит в сторону глаза или вдруг насквозь пронизывает сидящую перед ней абитуриентку испытующим взглядом:

– Ты мне на два ответила! Что тебе ставить? Что в году у тебя было?

– Пять.

– Ставлю три. Можешь идти.

Одной три, другой три, третьей. Все сидят, притаившись и втянув головы, тянут время, чтобы не идти к строгой тетке, а та обводит всех ровным взглядом и спрашивает:

– Нет желающих отвечать?

На рожон лезть никто не хочет. Все ждут, когда освободится место перед дядькой. И тут я, не ожидая от себя такой прыти, решительно срываюсь с места – была не была! – и словно в омут головой. Рассказываю про буржуазные реформы 60 годов, цитирую Ленина. Строгая женщина слушает рассеянно. Изредка кивает головой:

– Так. Первый вопрос вы знаете.

Приободрившись, я говорю о коллективизации и о борьбе с правым уклоном. Перед глазами выплывает на всю жизнь обиженный дед Муха, у которого отобрали единственную лошадь, и шебертинское «Заготзерно», где трудилась тетя Серафима, таская на плечах огромные мешки с зерном. Но я рассказываю только то, что почерпнула из учебника. Вольнодумие здесь неуместно. Посчитав, что сказанного достаточно, я замолкаю.

Сижу, жду приговора. В ответ тишина.

– У меня все, – напоминаю о себе спустя две минуты.

Женщина задумчиво встает. Разминает поясницу. Задает несколько вопросов. Берет экзаменационный лист.

– Пятерка была по истории?

Я виновато опускаю глаза:

– Нет, четыре.

– Что же, ты – молодец!

Я не верю своим ушам. Заглядываю в экзаменационный лист. Все верно. У меня пятерка! Упруго скатываюсь по лестнице с пятого этажа. Как мячик, скачу по длинному вестибюлю, удивляя своей резвостью вахтершу.

Вернувшись из института, я застаю следующую картину. За кухонным столом друг против друга, нос к носу, сидят две старухи. Одна, придавленная тяжестью лет, жилистая, скрюченная – наша «домомучительница» Варвара. Другая – прямая, как столб, здоровая, дюжая баба – сестра ее Дора. Они не разговаривают, а вопят, как потерпевшие, на всю квартиру, словно не слышат одна другую.

– Тебе хорошо так жить, – надрывается Варвара. – Долго проживешь! А меня тут изматывали! На полжизни раньше в могилу лягу! Я для внука живу, а они жизнь у меня отнимают!

– А у меня эти жили! – надсаживается Дора. – Засрали все в доме! Чашки! Гадко было из чашек пить после них!

– А я! – с воодушевлением подхватывает Варвара. – Все после них перемываю! Иначе ведь как? Противно посуду брать в руки! Все изгажено.

– Вот говноеды! – громогласно вторит Дора, отхлебывая чай. – Подумать только! Молодежь нынешняя, говноеды, а?! Мы как жили?

– Как уж мы жили! Хоть тоже всю жизнь у людей отирались, но научились у них: чужого не брать, всему мере знать. А эти, паршивки, как хозяйки в моем доме.

Пережевав содержимое рта беззубыми деснами, Варвара вновь берет крутую ноту и сотрясает воздух недостойными ее почтенного возраста ругательствами.

Вечером, празднично вырядившись, Варвара куда-то уходит. Ночь уже окутывает землю, а она все не возвращается. Мы готовимся отойти ко сну. Вдруг раздается звонок, тревожный и раскатистый, такой силы, что в ушах гудит. Старуха, приволокшая на себе Варвару, коротко объясняет:

– Нашла ее в кустах. Иду, смотрю, кто-то лежит.

У Варвары до невозможности страдальческий вид. Из впалой груди доносятся стоны. Старуха бережно проводит бабушку в ее спальню, укладывает на кровать.

Варвара пролежала в постели два дня и заслужила бы наше сочувствие, если бы всякий раз, когда забегала соседка Лизонька, не заходилась проклятиями в наш адрес. По просьбе больной Лизонька вызывает скорую помощь. В ожидании врачей обе громко кричат и гогочут, как гусыни. Часа через три появляются две женщины в белых халатах.

– Ну, что такое с вами?

– А вот, родные со свету сживают.

Льются тихие, слезливые сетования, произносимые скорбным, жалобливым тоном. Вероника просовывает любопытный нос в комнату, куда нам закрыт доступ.

– Поносика не было? – слышит она окончание диалога.

– Не было.

– Выпейте сердечных капель. И все!

Врачи собираются покинуть больную, даже не выразив сочувствия ее положению.

– Поставьте мне хоть укольчик, – жалобно просит бабушка.

– Вам не нужно укольчиков. Зачем травмировать сердце?

Врачи уходят.

– Конечно, им некогда, – оправдывается Варвара. – Это же срочная помощь, им всюду успеть надо. Лизонька, позови моего врача. Она меня хорошо знает.

Как только за Лизой закрывается дверь, Варвара бодро поднимается со смертного одра и принимается за дела.

Весь следующий день она заливает простоватую соседку сладкой патокой слов:

– Спасибо тебе, Лизонька! Большое спасибо, что вызвала скорую помощь, не дала мне умереть. Ты у меня хорошая соседка, всегда поможешь. Спряди мне мешочек шерсти.

Наконец все заканчивается. Мы достойно проходим все экзамены. Собираем свои чемоданы и ставим их за спинку дивана. Увидев чемоданы, бабушка расправляет плечи, оживает, как растение, с которого убрали камень.

Сложный в своей противоречивости характер Варвары Ивановны послужил основой к моей первой «зарисовке с натуры». Проба пера, так сказать.

Глава 3. Судьбы повороты

Никто не знает, что ожидает его за поворотом.

Я не прошла по конкурсу, недобрав всего один балл. Пришлось возвратиться в родительский дом и заняться поиском работы. Год был трудным, но время пролетело незаметно. В рабочем коллективе шумного цеха я закаляла свой характер, преодолевая неизбежные трудности становления. В конце мая, когда весна вернула к жизни надежды на лучшее, меня вызвал к себе на аудиенцию директор школы, где я училась.

– Скажите мне, Анастасия Январева, чем вы сейчас занимаетесь? – он оторвался от бумаг и близоруко прищурился. – Работаете где? Думаете продолжать учебу в высшем учебном заведении?

– Да, работаю, – ответила я, тронутая его неожиданной отеческой заботой, – на лесопромышленном комплексе. Готовлюсь поступать в университет, на журналистику.

– Напомните мне, будьте добры, какой общественной работой вы занимались, будучи ученицей нашей школы?

Юрий Степанович придерживался непонятной мне линии поведения, продолжая свое дотошное выпрашивание. Я честно припомнила свой «послужной список».

– Так-так, очень хорошо, можно сказать, вы вели активную общественную работу, – согласился «пан Директор», что-то просматривая в своих бумагах.

– А что случилось? – я не удержалась от вопроса, мучившего меня на протяжении всей встречи.

– Дело в том, что городской отдел народного образования получил направление в Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, – охотно пояснил Юрий Степанович. – Вы, наверное, знаете, это крупное учебное заведение, можно даже сказать научный центр в Москве, его выпускники работают во многих странах мира. Направление – единственное на весь город, поэтому кандидатура человека, который будет направлен на обучение, должна быть достойной. Мы перебрали всех поименно и подумали про вас. У вас имеется стаж работы на производстве, школа помнит вас как активную комсомолку. Педсовет принял решение выделить это направление вам.

Прогремел гром среди ясного неба. Манна небесная просыпалась на мою голову. Моя жизнь сделала такой крутой поворот, что я на какое-то время потеряла способность соображать.

«В Москву! В Москву!» – ликовала я, торопливо шагая домой. Я представляла растерянные лица своих родителей в тот момент, когда они услышат эту новость.

И так, на ходу, я перекраивала все свои дальнейшие планы.

Полная амбиций, решительно настроенная начинать новую жизнь, я прилетела в Москву и сразу во Внуково перевела время на пять часов назад. Мой первый день в столице растянулся до бесконечности. До УДН доехала «с ветерком». Таксист лихо притормозил возле здания с высокими колоннами, где кучковались чернокожие студенты, и, высунув голову из окна автомобиля, с нарочитым удовольствием громко выкрикнул:

– Black monkeys!

– Ну, вы даете! – неодобрительно сказала я, выгружая свой багаж. Афроамериканцы что-то закричали, замахали руками – и при этом так радостно заулыбались, что мне захотелось обернуться и посмотреть, не прибыла ли следом за мной английская королева. Что могло вызвать их столь возбужденную реакцию? Мой ярко-оранжевый кримпленовый костюм? Красные волосы цвета соломы?

– Усталя? – приветливо улыбнулся мне иссиня-черный белозубый «баклажан», когда я опустилась на лавочку, чтобы наметить план дальнейших действий. Из оживленной компании чернокожих отделился парень и, слегка вихля бедрами, направился в мою сторону.

– Не проходил ли здесь африканский студент в желтых брюках? – поинтересовался он, и было странно услышать русскую речь из его уст.

Неприятные неожиданности не заставили себя ждать. В приемной комиссии забраковали мою медицинскую справку, к которой требовались отдельные справки из тубдиспансера, от психиатра и расширенная кардиограмма.

В деканате меня огорошили сообщением, что при отсутствии двухлетнего трудового стажа я иду как школьница и должна выдержать очень высокий конкурс – сдать экзамены на одни пятерки. «Две четверки – это уже катастрофа для вас!» Оказывается, УДН гостеприимно распахивает двери только для молодежи из развивающихся стран, а советскому студенту надо хорошо поработать локтями, чтобы пробиться в его стены.

Меня подселили к девочкам из Казахстана и Узбекистана. Они носили национальные шелковые платья и разговаривали между собой на родном языке. Одна из них, Джамиля, в моем присутствии объяснялась на русском.

Комната, в которой мы жили, была учебной аудиторией, куда добродушный дядечка-комендант наставил раскладушек. Из окон открывался чудесный вид на густую чащу берез, где степенно прохаживались наши чернокожие собратья. На фоне ярко-зеленой листвы они были похожи на диковинных птиц с необычным оперением. Появление в окнах общежития девичьих голов вызывало их бурные эмоции.

Москву с ее высотными зданиями я полюбила с первого взгляда. Москвичи показались мне очень доброжелательными. Я намеренно искала повод, чтобы обратиться к прохожему с вопросом. Будь то старичок-пенсионер с тросточкой, домохозяйка с продуктовыми авоськами или худощавый интеллигент в солидной шляпе, все давали исчерпывающие ответы с одинаковой вычурностью тона, словно подчеркивали свою многозначительность в этом огромном городе.

Пока не вывесили расписание экзаменов, мы знакомились со столицей: посетили Кремль и Красную площадь, покатались на речном трамвайчике по Москва-реке, сходили в театр на оперу «Пиковая дама». С галерки Кремлевского Дворца Съездов, где значились наши места, мы с трудом угадывали, что за страсти разыгрывались на сцене, но праздничной атмосферой настоящего театрального представления прониклись.

Когда начались вступительные экзамены, Москва для нас ограничилась маршрутом автобуса и трамвая от станции метро Юго-Западная до УДН.

Университет с его атмосферой другого мира, привнесенного студентами из Африки, Азии, Латинской Америки, захватил мой разум. Я не переставала удивляться: какое счастье мне выпало быть здесь абитуриенткой, жить в благоустроенном студенческом городке, питаться в комфортной столовой, где гул «иностранщины» заглушал твой собственный голос.

Временами я ловила себя на мысли, что скучаю по дому и хочу хотя бы на короткое время окунуться в прежнюю жизнь, но только на один денек – больше не надо! Мне эта московско-университетская жизнь нравилась безумно. Здесь я духовно увеличивалась, словно обретала крылья, чтобы вознестись к вершинам знаний. Я бы не скучала, если бы здесь училась!

Золотая медалистка Джамиля успешно сдала один экзамен и была зачислена на медицинский факультет вне конкурса. Даже в повседневном быту она удивляла меня своими блестящими умственными способностями, при этом ничуть не задавалась, а была очень дружелюбна и проста в общении.

Получив на экзаменах одни «четверки», я понимала, что мои шансы поступить равны нулю, однако в последний момент стала надеяться на чудо: а вдруг да зачислят! Но этого, конечно же, не произошло. Пришлось возвращаться на землю с заоблачных высот.

В Иркутске я сошла с поезда и с чемоданом в руках направилась в институт иностранных языков имени Хо Ши Мина. Интуитивно выбрала испанское отделение – это было то, что могло восполнить мою неудачу в УДН.

Спортзал с плотными рядами раскладушек, где временно разместили приезжих абитуриентов, гудел, как растревоженный улей. Кто-то прилежно штудировал учебник, записывая и заедая усвоенный материал, кто-то в мечтательном раздумье вязал спицами, кто-то спал, заботясь о сохранности нервной системы, всегда находились желающие поболтать или попиликовать на расстроенном пианино. Шум голосов поднимался под высокий потолок и множился там гулким эхом.

В той многоголосой толпе «женской абитуры» я не различала отдельных лиц. Все сливалось в общий фон, как на оживленной улице с идущими навстречу пешеходами и снующими взад-вперед автомобилями. Уже потом, когда в студенческих буднях стали отчетливо «проявляться» лица, факт совместного пребывания в спортзале вызывал бурные эмоции...

На этот раз все экзамены, за исключением английского (им не понравилось мое произношение), я сдала на «отлично».

Глава 4. Первокурсница

Снять «угол» в Ново-Ленино мне помогла Алина. В сравнении с другими «бездомными» сокурсниками, которые соглашались на любые условия ради крыши над головой, устроилась я неплохо – за десять рублей в месяц в благоустроенной квартире. Правда, до института далеко-далеко, но приходилось с этим мириться. Вставала рано – и все успевала. Хозяйка квартиры, тетя Глаша, крупная, как стог сена, женщина, занимала собой все пространство. Она любила поговорить сама и послушать других. Приходилось подробно рассказывать о своих делах в институте, хотя не всегда для этого было желание. Но она была доброй и справедливой. Называла вещи своими именами. Не держала за пазухой камня. И все же у чужих людей я чувствовала себя не в своей тарелке. Если дома никого не было, я напоминала себе вора, с опаской крадущегося по скрипучим половицам.

Я с радостью погрузилась в учебу – и здесь я была, как рыба в воде. Нас с первого курса приучали относиться к будущей педагогической деятельности, как к творческому процессу. Ведь главное в профессии учителя – не только обладать огромным багажом знаний, что ставит его на голову выше других, но и уметь передать свои знания. «Я знаю – я хочу, чтобы вы это знали. Я чувствую – я хочу, чтобы вы это чувствовали. Ученик думает, что сам к этому пришел, а это вы его привели...» Во мне немедленно закопошился творческий человек, прикидывая, как поведет себя в предлагаемой ситуации.

Испанский язык нам преподносили в различных аспектах: фонетика, разговор, грамматика, домашнее чтение, анализ. Поначалу мне казалось, что я никогда не сумею правильно выговорить простейшую фразу: *Estoy de guardia hoy* (Я сегодня дежурная). Мысленно я произносила ее десятки раз, но когда озвучивала, мой язык отказывался повиноваться, я стеснялась сказать неправильно и предпочитала молчать. Преданные своему делу «професоры» стремились заложить максимум знаний в юные головы вчерашних школьников, чтобы язык заиграл всеми гранями своего богатого содержания, и всеми средствами создавали недостающую языковую среду. Нам даже урезали зимние каникулы, чтобы не пропадала практика языка. И, сами того не замечая, мы преодолели языковой барьер. Мы пели песни на испанском языке, заучивали наизусть страницы печатных текстов. В памяти оставались речевые образцы, которыми мы успешно пользовались в повседневной жизни. Сначала это были простейшие фонетические сценки, где отрабатывалась интонация. С каким удовольствием мы произносили на одном дыхании где-нибудь в автобусе набор фраз: *En la sala esta la familia Lopez. Son dos mujeres y tres hombres...* (В комнате находится семья Лопесов. Две женщины и три мужчины) Бывало, люди вздрагивали, услышав непонятную речь, и начинали пялиться на нас во все глаза. Это было приятно, немного щекотало нервы.

Пытаясь приобщиться к изучению испанского языка, Вероника с успехом освоила два слова: *completamente calvo* (совершенно лысый) и щеголяла своими познаниями при любом удобном случае.

На первом курсе из нас готовили медсестер гражданской обороны. Из институтских аудиторий мы попадали в мир болезней Кировской больницы. Как подопытных кроликов, неопытные «инязовки» мучили стариков, дожидавшихся своего смертного часа. Первым моим пациентом оказался тощий старик со сморщенными, как выжатый лимон, ягодицами. Иголка гнулась и сопротивлялась, прокалывая дряблую старческую мышцу. Бедные лежачие больные! Если бы только они могли убежать и спрятаться от практикантов, тренирующих на них руку...

Училась я с удовольствием, правда, на первых порах без особых успехов. Шел процесс количественного накопления знаний, и казалось невозможным уместить в одной голове огромный объем материала. Требовалось самостоятельно работать над языком по четыре-пять часов в день. А где взять столько времени, от чего урезать? Иметь бы крылья, чтобы беспрепят-

ственно перелетать огромное расстояние от Ново-Ленино до института. Иметь бы силы, чтобы после утомительных переездов не валиться с ног от усталости, а снова браться за учебники.

Мы, студенты, жили с постоянным ощущением, что находимся в голодном краю. Блюда, приготовленные в институтской столовой, пахивали древностью и отвращали одним своим видом. Витрины магазинов были заполнены унылыми консервными банками. Как люди жили? Чем питались? Я начинала собираться в магазин, а тетя Глаша недоумевала:

– Зачем идешь в магазин? Нет там ничего. Одни банки.

– Ну и что? Кушать-то хочется.

– Ну, иди, иди!

– Вам ничего не взять?

– А что ты мне возьмешь? У меня все есть.

У нее на плите всегда стояла кастрюля наваристого борща, но кормить жиличку в ее обязанности не входило.

Временами я замечала у себя прогрессирующие признаки переутомления: сдавали нервы, «опускались крылышки», а мозг ничего не «записывал», как старая магнитофонная пленка. Однако бросать институт я не собиралась даже при самом неудачном раскладе: слишком много я получала здесь для души.

Я урывала пару-тройку дней, чтобы побывать дома. Родителям предварительно сообщалось, чтобы к моему приезду были куплены яблочки и конфетки. Несколько дней отдыха давали хорошую разрядку. Мозг снова работал четко и восприимчиво. В одном были напряжены нервы – вынужденная необходимость держать ответ перед преподавателями. Врать я не научилась с детства: родители пресекли на корню первую попытку сказать неправду, а девочки мое отсутствие оправдывали болезнью. Краснея от смущения, я поддерживала эту версию, говорила про дерматит, указанный в фиктивной справке, не умея объяснить, что это такое. Мое замешательство куратор толковала по-своему:

– Не знаете, как сказать об этом по-испански? Ну, хорошо, оставим этот вопрос.

При первой же возможности мы с Вероникой ехали в Шеберту. Если не удавалось достать билеты, ехали в холодном тамбуре, где температура воздуха казалась ниже уличной, где отвратительно грохотало лязгающее железо сцепленных между собой вагонов и мороз пробирал до костей.

Чтобы разогнать застывающую от холода кровь, Вероника, немало на своем интернатовском веку повидавшая, бойко подпрыгивает, имитируя танец. Я смотрю на свою бесшабашную сестру-авантюристку и удивляюсь, как ей удалось подбить меня на безрассудную поездку.

Нелепый смех разбирает нас до слез. Мы на время забываем о неудобствах. За окном становится совсем темно. Стуча колесами, поезд все дальше уносит нас от большого города. Проходит часа четыре, прежде чем мы, горе-путешественницы, осмеливаемся проникнуть в общий вагон. Мы забираемся на третьи полки, предназначенные для перевозки багажа. Я старательно вытираю вековой слой пыли. Вероника с ухмылкой следит за моими действиями:

– Хорошо устраиваешься, сестра, а не подумала о том, что тебя сейчас стащат отсюда?

В вагоне тепло. Измученные холодом и страхом, под размеренный стук колес мы впадаем в сладостную дрему, ни на минуту не забывая о зыбкости положения. И этот неотвратимый в своей роковой неизбежности момент наступает. Мы обе пробуждаемся от тревожного чувства. По вагону идет проводник, который проверяет билеты. Привстав на цыпочки, «удав» пристально вглядывается в неясные очертания на третьих полках. Наметанным глазом безошибочно определяет присутствие «зайцев».

– Предъявите билеты!

– У нас нет оных, – говорю я.

– А у вас? – с подобным вопросом он обращается к Веронике. Та медленно приподнимается, рукой оправляет пальто, чтобы случайно не обнажилось колено. Принимает удобное положение и в напряженной тишине всеобщего ожидания молвит:

– А мы вместе!

Коварный проводник двигается дальше, взяв на заметку местоположение безбилетников. Под утро он будит нас и кивком головы приглашает следовать за ним в тесную каморку, где получает мятую купюру достоинством в пять рублей.

В родной деревне царит первозданное умиротворение. По замерзшим улицам мы пробираемся к своей избушке. Утопая в нехоженном снегу, Вероника торит дорожку к высоким воротам.

Старый дом встречает нелюдимым духом: холодом и запущенностью. Печку мама Валя топит редко, потому что из щелей валит дым. Мы принимаемся наводить порядок. Выбываем слежавшиеся тканые дорожки. Моем полы. Попутно с непонятным упоением гоняем старых котов, свыкшихся с незыблемой тишиной. В печке весело потрескивают дрова. Дом наполняется теплом и уютом.

Только в Шеберте, где время остановило свой ход, мы с Вероникой чувствуем себя первобытными по природе. Здесь не надо подбирать выражений, которыми пользуются люди в цивилизованном мире: хватает междометий. На своей «малой родине» мы отдыхаем душой, черпаем силы, чтобы «плыть в революцию дальше».

Слух о приезде городских девчонок распространяется по всей деревне. Раздается стук, и в дом вместе с клубами морозного воздуха вваливаются гости: жизнерадостный весельчак и балагур – крепыш Прохор и его двоюродный брат, полная его противоположность, высокий красавчик с туманным взором синих глаз – Николаша. После летнего продолжительного романа Прохор считает себя женихом Вероники, хотя та сомневается до последнего: он ли ее судьба? А Николаша, местный ловелас, озорной гуляка есенинского типа, намеревается добиться моего расположения. Серьезных отношений не возникает: я не желаю стать очередной победой в его длинном списке. Однако он тревожит скрытые чувства, побуждает меня к первым лирическим стихам. Стихи лишены всякой рифмы – подобие русского перевода испанских поэтов, однако передают настроение влюбленности и грусти.

Где-то и близко, и далеко
Живет человек, которому я нравлюсь,
И который нравится мне.
Он нужен мне: его глаза, руки, губы,
Кудрявая голова, отдыхающая на моих коленях,
Ласковые губы, отдающие мне его дыхание,
Нежные руки, тоже любящие меня.
Ночью, опускаясь в тихую постель, я хочу его.
Но трудный день, прожитый с беготней и шумом,
Закрывает мне глаза,
Усталостью ложится на плечи,
И я засыпаю мгновенно.
А грусть не проходит,
Накапливается толстым слоем,
Как пыль на старинном комоде
В старинном доме шебертинском.

Николаша забылся, как мелькнувший за окном поезда и пропавший из виду дорожный полустанок, а смешные стихи остались. Прохор же, не в пример своему брату, вел решительное наступление на полную сомнений Веронику, не сдавая своих позиций ни под каким предлогом.

Скоро о его предстоящей женитьбе узнала вся Шеберта, только сама «невеста» вела себя так, словно речь шла не о ней.

Возвращение в город сопровождалось приключениями и новыми знакомствами, как правило, не имевшими продолжения, но помогающими нам повышать свой уровень самооценки. Мы вдруг обнаружили, что в каждом мужском взоре при нашем появлении неожиданно вспыхивала нескрываемая заинтересованность. Незаметно для себя мы повзрослели и стали нравиться мужчинам.

Как-то вагон был забит солдатами и новобранцами. Все до единого смотрели на нас жадными глазами, словно каждый хотел откусить по кусочку. С нами в купе ехали парни, судя по всему, работяги, кочующие люди. Один из них, по имени Сергей, показался мне похожим на Николашу. Может быть, меня смутили такие же синие с поволокой глаза? Он вел себя почти высокомерно, но стоило скользнуть по нему взором, он тотчас же отрывался от книги и долго смотрел на меня.

– Как называется ваш аул? – насмешливо спрашивал он. – Есть ли у вас московский тракт? Не знаешь? Вроде, видела какую-то дорогу за опушкой?

Я выдерживала его взгляд, и глаза наши, встречаясь, не разбегались в стороны. Второй, Дима, отнесся ко мне по-братски. Мы улыбались друг другу, словно были знакомы сто лет. Когда со второй полки прыгнул солдатик, Дима любезно предложил мне занять его место.

– Ой, какая твердая подушка! – ворчала я, пристраиваясь на жестком солдатском мешке. – Разве на такой уснешь?

– Привыкай, – сказал Дима. – Выйдешь замуж за офицера, будешь за ним ездить, придется спать на такой подушке.

– Нет, за офицера я не выйду, – возразила я. – Мне не нравятся военные.

– А что так? Все девчонки без ума от военных.

– А я – нет. Не люблю ходить по струнке.

– А за кого ты выйдешь? За работягу?

– Выйду за того, кого люблю.

– Дело ты говоришь! – согласился Дима. Он вспоминал родную Украину, как некий уголок земного рая. – У нас такие яблоки, арбузы!

– Лучше один раз попробовать, чем много раз услышать, – резонно заметила я.

– Я пришлю тебе посылку с яблоками! – пылко обещал Дима. – Мамане напишу, она отправит.

Подъезжали к Иркутску мы самыми близкими друзьями.

– Ты жди, Настя, в середине июля, как только поспеют первые яблоки... – воскликнул Дима.

– ... мы тебе напишем! – закончил фразу Сергей.

Прощаясь, он дружески пожимал нам руки, понимая, что как только мы ступим на перрон, наши пути разойдутся навсегда. Так оно и было.

Глава 5. Люди влюбляются, женятся

Летом на острове Юности Вероника встретила Сашу, и девичье сердце сначала куда-то ухнуло, а потом заняло сладостной болью. Она знала точно – это Он!

Они танцевали весь вечер, не разлучаясь ни на минуту. Маленькая, доверчивая, трогательно-беззащитная Вероника, приподняв кудрявую головку, пытливым взором притягивала к себе Сашу. Они жадно впитывали друг друга, забыв обо всех, кто находился рядом.

На следующий день в комнате, где жила Вероника, отмечали конец сессии. Пили портвейн, закусывали килькой в томате. Дух веселья витал в воздухе. Громкий смех, возбужденные разговоры волнообразно перекрывали магнитофонную музыку.

Вероника ждала Сашу, то и дело выбегая на вахту. Ее охватывала неясная тревога, что он может не прийти, как обещал накануне вечером, что непредвиденные моменты разведут их в стороны. Она уже готовилась к тому, что будет искать этого парня в огромном городе и непременно найдет, чего бы это ни стоило!

Вероника бегала на вахту раз десять – не меньше. Саша все не появлялся! Она уныло возвращалась в комнату, ее встречали радостными криками и подливали в стакан.

Когда, наконец, пришел Саша, и Вероника, покачиваясь на неверных ножках, поспешила ему навстречу, произошло самое страшное, что вообще могло произойти в этой жизни между двумя малознакомыми молодыми людьми. Дешевый портвейн и килька в томате, не совместимые друг с другом, в едином порыве «поперли» наружу.

Веронику вырвало у Саши на глазах.

Девчонки увели ее и положили на кровать. Саша ушел.

Когда Вероника очнулась, ее первым побуждением была попытка подняться с кровати и отправиться на поиски Саши, чтобы извиниться за чудовищное недоразумение. Ничто не должно стать причиной их расставания сейчас, когда они нашли друг друга в огромном мире, где люди годами ходят рядом и не могут встретить свою половинку.

Ослабевшая, раздавленная тяжелыми мыслями, Вероника недвижимо лежала на кровати, не имея сил подняться и исполнить свое намерение.

Саша пришел сам в тот же вечер, чтобы справиться о ее самочувствии. Ничто не могло разлучить их. Они были созданы друг для друга: мужественно-спокойный, очень чуткий, все понимающий Саша и говорливая, живая, как ртуть, переполненная эмоциями Вероника.

Проход оставался в неведении, какие крутые изменения произошли в жизни его «невесты», и продолжал готовиться к свадьбе.

Думая о нем, Вероника испытывала неприятную ноющую боль, подобную зубной, когда все симптомы больного зуба налицо, и оперативное вмешательство неминуемо.

Она заказала переговоры и долго подбирала слова, чтобы смягчить удар, который намеревалась нанести своему «жениху» неожиданным отказом. И эти слова нашлись.

– Проход, ты стал мне родным, как мать, – начала она. – Но я встретила другого. Мы любим друг друга. Это судьба. Прости!

Шебертинское население долго переваривало эту новость и даже посчитало неслыханной дерзостью то, что Вероника, вся наполненная внутренним светом, привезла своего избранника для знакомства с матерью.

В тот же день к их дому подкатила машина, и несостоявшаяся свекровь, мать Прохода, хлопнув дверцей «Жигулей», бросила в лицо девушки жесткие, обидные слова:

– Стыдно так делать, девочка!

Вечером пришел подвыпивший Проход, намереваясь решить вопрос своей отставки мордобитием соперника. Но, встретив спокойный, понимающий взгляд Саши, нутром почувствовав полное единение влюбленной парочки, вдруг опустил занесенную для удара руку.

– Что ж, живите, коли так! Смотри, если обидишь... Я тебя отовсюду достану!
На свадьбе Вероники и Саша мне хотелось плакать.

С раннего детства Вероника была моей второй половинкой. Она приоткрыла дверцу в другой, полный приключений мир, где нам всегда было весело и интересно. Теперь я осталась в полном одиночестве, и все вокруг стало серым и бесцветным.

Эти двое, сидящие во главе стола жених и невеста, в проволочном венчике фаты похожая на ромашку, выглядели самыми счастливыми людьми на свете. Я пыталась погасить в себе чувство, название которому – нехорошее слово «зависть». В тот момент в голове моей созревало точное определение счастья. Счастье – это чувствовать себя женой и сознавать, что у тебя есть муж. Твой, весь твой до кончиков волос, любимый мужчина.

Я думала о человеке, который неожиданно появился в моей жизни. Он мог бы сидеть сейчас рядом со мной на свадьбе моей сестры, но его не было, и я не знала, почему. Он никак не объяснил причину своего исчезновения. Просто перестал приезжать. Сопrotивляясь этой чудовищной несправедливости, я любила его всеми силами своей души и... ждала. До умопомрачения. До надрыва. Но об этом позже.

Вероника уговорила меня ехать в Шеберту. Это было нужно для обеих: после ее свадьбы мы очень отделились, а это лишало жизнь ее полноценного содержания.

Вероника без конца говорила про Сашу, словно из открытого крана лилась и лилась вода, а я страдала от неразделенных чувств, и сердце мое было задервенелым, не способным сопереживать чужим радостям.

Мы выпили бутылку портвейна. Веронике это нужно было, чтобы до конца высказаться. Мне – чтобы дойти до сырой постели и забыться тяжелым сном.

Когда пришла с работы мама Валя, мы пребывали во сне, разметавшись по подушкам. Она не заметила ничего странного в нашем поведении: пустую бутылку Вероника предусмотрительно вынесла в сени.

Ярким солнечным утром, покинув немудреный шебертинский перрон, мы отправились в Иркутск.

Я напрасно поторопилась вычеркнуть себя из списка людей, нужных сестре. Мое отсутствие среди подружек, явившихся к Веронике с поздравлениями в день ее рождения, было расценено как акт предательства. Она появилась у меня на следующий день в образе кучерявой, крайне разъяренной маленькой фурии, метала гром и молнии.

– Ты почему не пришла ко мне? Сестра, самый близкий человек, нужный мне для души в этот день! – голос ее звенел и прерывался от волнения. – А еще клялись в детстве, что всю жизнь будем вместе! Ну и что с того, что у меня муж? Это не значит, что у меня нет больше сестры.

Она словно потрясла меня за плечи. Мне было плохо, и я забыла, что где-то существуют родные люди. Часа три мы ходили по улицам, врубив Сашин магнитофон, хотя погода была дрянь, и мы насквозь промерзли.

На трамвайчике мы поехали в предместье Рабочее, где жил с родителями Саша. Меня приняли тепло и радушно. Возвращалась я с приятным умиротворением: у моей сестры новая семья, но в ней нашлось местечко и для меня.

Вероника, самая светлая голова на факультете, после окончания института получила направление в областной центр. Это был Магадан, таинственный город на берегу Охотского моря, столь же далекий и непостижимый для нас, как планета Марс.

Мы снова поехали в Шеберту.

Была вторая половина мая, и столь необходимое дело как посадка картошки оказалось подходящим оправданием отсутствия на занятиях. Опять поезд, третьи полки, только на этот раз мы с билетами и Сашиним магнитофоном.

Вероника щелкала кнопками, перекручивая кассету в поисках мелодии, наполнявшей душу неизбывной тоской. Так и ехали: устремив в потолок недвижимый взор и проглатывая подступающий к горлу ком.

Шеберта еще спала, не ведая об очередном знаменательном приезде, когда в сопровождении музыкального грохота мы спрыгнули на железнодорожную насыпь. Потревоженные отдаленным шумом, дворовые псы приготовились дружным лаем огласить деревенские окрестности. Около домов, выстроившихся вдоль дороги, Вероника убавила громкость.

Дома все по-старому: грязно, холодно и сыро. После направленного на уборку трудового порыва – уютно, чисто и тепло. Купив бутылку вина, мы с Вероникой идем в лес. Огородами, через заборы, с оглушающей музыкой.

Мы восхищаемся милыми сердцу березами, вспоминаем босоное детство и первые влюбленности, все, что случилось с нами в Шеберте. Наши души, переполненные высокой поэзией, возносятся в заоблачные дали...

Одной бутылки показалось мало, и мы отправились за второй. Деревенские пацаны, привлеченные веселой музыкой, шумной гурьбой бежали следом.

Когда вернулись в лес, в природе поднялся беспокойный ветер, безжалостно склоняя вниз верхушки деревьев.

От первого глотка муската по коже побежали мурашки, противная жидкость не лезла в горло. Содрогаясь всем телом, мы выпили до конца содержимое бутылки.

Мы лежали на сухой траве, не имея сил двигаться, и смотрели, как по бледному, линияющему небу плыли лохмотья застиранных облаков.

Мы глядели в небо и думали о своем предназначении, как раненный под Аустерлицем князь Болконский. Мы не пытались сдерживать слезы. Детство закончилось. Совсем скоро Вероника уедет в Магадан, далеко от всего этого, до боли родного, обустроится и заберет с собой мать. Вместе с сестрой я навсегда прощалась с Шебертой.

Пришла пора возвращаться. Дорога к дому оказалась полной непреодолимых препятствий. Перелезая через забор, Вероника падала, вставала и снова упорно пыталась покорить возникшую на пути преграду. Трудно было представить в ней будущего блестящего специалиста, который скажет свое веское слово в логопедии.

Дома я сразу бухнулась в постель, а сестра моя, «наперсница разврата», искала чего бы поесть и упустила момент, когда с работы пришла мама Валя и догадалась, что с нами что-то не так, и причина нашей «неадекватности» не что иное, как алкогольное опьянение.

Радость на лице матери, вызванная нашим долгожданным приездом, решительно сменилась негодующим отвращением. Быстрые резкие движения рук и гневное нечленораздельное мычание в полной мере выразили ее нетерпимость к отвратительному образу жизни, который мы повели, поддавшись растлевающему влиянию города. Но до этого эпизода еще целая жизнь...

Глава 6. На острове Юности

Борис появился в моей жизни в конце первого курса. Обремененная предстоящим экзаменом по латыни, я даже в голове не держала в кого-нибудь влюбляться. Случилось это на острове Юности, именно в тот теплый июньский вечер, когда Вероника познакомилась с Сашей.

С Ангары задувал прохладный ветерок, принося с собой запах речной воды и прибрежных водорослей. Освещенный фонарями танцпол, расположенный в центре острова, был заполнен до отказа. Романтичнее места для молодежных «тусовок» не существовало во всем городе.

В тот вечер я забежала на танцплощадку ненадолго, чтобы развеять голову от сухой латыни, а потом вернуться к наскучившим падежным окончаниям и посвятить всю ночь зубрежке. Ничто не могло свернуть меня с намеченного пути, даже этот замечательный парень, мечта любой девчонки – высокий, плечистый, улыбочивый.

Он неожиданно выступил из толпы танцующей молодежи. Впился в меня изумленными глазами, словно открыл еще одну неведомую звезду, радостно привлек к себе. Он заговорил со мной, и мне показалось, что мы знакомы сто лет, не меньше.

– Смотри, правда она похожа на ...? – обратился он к своему приятелю. – Глаза, губы, улыбка. Похожа ведь?

Его выбор пал на меня, потому что я напоминала кого-то, по всей вероятности, очень дорогого его сердцу. Его совсем не волновало то, что я могла иметь другие привычки и свой собственный характер, оказаться девушкой себе на уме и не вписаться в воображаемый образ.

Уже потом, много раз возвращаясь к первым минутам этой встречи, я думала, а не было ли то пресловутое совпадение по внешнему сходству обычным предлогом для быстрого знакомства, которым пользуются ушлые ухажеры? И я, простодушно-доверчивая девчонка, так легко «купилась»!

Но это было потом... А в тот теплый июньский вечер, наполненный речной свежестью и звуками музыки, я повсюду ощущала флюиды мимолетных влюбленностей, излучаемые возбужденными взорами танцующих, и, оставшись без верного сестринского плеча Вероники, наверное, напоминала девушку, которая в томлении «ждала кого-нибудь».

Музыканты на эстраде заиграли медленный танец.

Борис взял меня за руку и повел в самую гущу толпы, где томно топтались тесно сплетенные парочки. В его крепких руках мне захотелось притихнуть и затаиться. И когда смолкали звуки музыки, мы уже не расставались.

Этот парень сразу нашел отклик в моей душе. Есть такие люди, которые изначально кажутся родными, предназначенными тебе, как отец и мать.

Мы покинули танцплощадку, взявшись за руки. Долго бродили по опустевшим улицам. Удивлялись тому необычному ощущению, когда на глазах таинственно засыпал неугомонный в дневной суете большой город: смолкали в отдалении звоночки трамваев, сходило на нет движение транспорта.

В скверике, напротив фонтана, Борис опустился на лавочку и посадил меня на колени. Мы целовались, потеряв счет времени, и раскидистые тополя приглушенно шелестели над нами листвой. Необыкновенная, полная чудесных превращений июньская ночь незаметно перетекала в утро.

– Я буду ждать тебя завтра на той же лавочке у фонтана, – сказал Борис около общежития на Ленина-стрит, где я собиралась ночевать. – Надеюсь, к двум часам ты разберешься со своей латынью?

Охваченная приятной истомой, я растянулась на кровати. Я казалась себе маленькой девочкой, которой протянули руку и повели в таинственный мир любовных страстей.

Утром ночное приключение отошло на задний план, уступив место предэкзаменационной трясучке. Я хваталась за учебники, как утопающий за соломинку, пытаюсь заложить в голову побольше знаний.

Измученная от самоистязания, я решительно сложила учебники в сумку (*Omnia mea mecum porto* – все свое ношу с собой) и поехала в институт. В запасе оставалась пара часов, чтобы где-нибудь в пустой аудитории пробежаться по спряжению глаголов, зрительно зафиксировать в памяти сто «крылатых» латинских выражений.

В кабинет экзаменатора я зашла самой последней, напоминая обреченного смертника. Из кабинета вылетела, как на крыльях, с отметкой «хорошо» и только тут вспомнила о свидании.

Прошло больше часа после назначенного времени. Я безнадежно опоздала! Не сворачивая в скверик, где меня должен был ждать Борис, я напрямик направилась к общежитию Вероники.

Далее ноги сами понесли нас по улице Карла Маркса к пельменной. Хорошая порция пельменей, сдобренных маслом, вернула интерес к жизни. Отяжелев от приятной пищи, мы вышли на улицу, кишашую пешеходами и автомобилями, и... нос к носу столкнулись с Борисом и его приятелем.

– Вот так неожиданность! – воскликнула я. – Так не бывает! Мы запросто встретились в городе, где сотни тысяч людей. В одном месте, в один и тот же час.

– Ты почему не пришла? Я ждал тебя два часа! – Борис выглядел усталым, даже измученным. – Сидел на лавочке, как последний дурак.

В его голосе было столько горечи и разочарования, что я почувствовала угрызения совести. Ну, что мне стоило свернуть в скверик и убедиться в том, что Борис ушел? Нет, мне даже в голову не пришло, что он будет ждать два часа.

Я стояла и улыбалась, пристально, не отрываясь, рассматривая его черты. Вчерашнее впечатление, нарисовавшее в моем воображении образ прекрасного принца, подтвердилось и при ярком солнечном свете.

Широкая улыбка на моем лице выражала беспредельную радость от встречи, которую я, конечно же, восприняла как знак свыше. Мы поговорили немного и разошлись. Мы с сестрой, сытые, довольные, отправились своей дорогой. Парни, голодные и разочарованные, свернули в пельменную.

Я продолжала сдавать экзамены.

Перегрузив информацией свою бедную голову, я отодвигала в сторону учебники и начинала аккуратными стопками укладывать в чемодан вещи. Зачем я это делала, трудно объяснить. Наверное, так ведет себя перед смертной казнью человек, которому не суждено вернуться назад.

Тетя Глаша тарелкой борща выводила меня из транса.

После того случайного столкновения около пельменной Борис исчез из моей жизни так же неожиданно, как и появился. Значит, все-таки не судьба, подумала я и сосредоточилась на экзаменах.

Зубрежка и переживания на весь период сессии затмили мысли о личной жизни. Фонетику я сдала на тройку – и это не зависело от случая. Весь год у меня фонетика шла на тройку. Надо мной нависла угроза остаться без стипендии и без жилья, повиснуть на родительской шее непосильным бременем.

Остаток лета я провела в родительском доме, обласканная вниманием и заботой, а в сентябре, появившись в Иркутске, вновь столкнулась с проблемой обретения крыши над головой. Две бездомных ночи я провела у Алины. Варвара Ивановна шипела, как уголек, политый водой, но меня спасал выработанный на недружелюбную бабуленьку «иммунитет».

В общежитии Вероники ужесточились правила: даже днем посторонних не впускали. Вахтерши чинили произвол, грубо выталкивая вон посетителей.

Вероника со всей прямоотой своей искренней натуры восставала против деспотизма стражей порядка, устраивала на вахте гневные разборки, публично выражала намерение уйти из этого «каземата». Но ничего не помогало.

Бесприютные, мы бродили по городу, стирая ноги до кровавых мозолей. Доведенная до нужной кондиции, я пошла в деканат просить общежитие.

Вероника дожидалась меня в коридоре.

Не прошло и трех минут, как я вышла из кабинета.

– Ну, что? – Вероника сверлила меня пытливым взором – буравчиком.

– Что еще они могли мне сказать? – хмуро ответила я. – Нет мест – и все! Список остро нуждающихся более ста человек. В первую очередь рассматривают тех, у кого самый низкий доход в семье. Я не стала пресмыкаться. Ушла как человек, не нуждающийся в чьей-либо милости.

– К ним надо только слева «подлезать», а для таких простофиль, как ты, у них всегда найдется, что сказать, – заключила Вероника.

Глава 7. Колхозная эпопея

Начался учебный семестр, и нам объявили, что мы едем в колхоз. Колхозную принудительную мы восприняли как событие безрадостное, но неизбежное. Проблема обретения жилья временно отпала. Восемнадцать девчонок поселили в одной комнате на кроватях, покрытых голыми матрацами. Сдвинув кровати, мы спали в обнимку, штабелями, согреваясь друг от друга, как бурундуки.

Вечерами Катя Минаева, странная девочка со своим «космосом» в голове, рассказывала нам про неведомые галактики, откуда на летающих тарелках прибывали загадочные инопланетяне. При всем своем неверии в потустороннее окружение мы замирали от неясных предчувствий, навеянных ее убежденным тоном. А может быть, эта девочка с пронзительным взглядом и вправду обладала редким даром видеть нечто, не постижимое нашим разумом?

Как-то мы заговорили о своей любви к испанскому языку, впитанной вместе с песнями Рафаэля.

– На фильм с участием Рафаэля «Пусть говорят» я ходила шестнадцать раз, – сказала Катя. – Просто, чтобы послушать прекрасные испанские песни. Английский язык мне тоже нравился. Одно время я мечтала стать стюардессой на международных рейсах – английский я учила в спецшколе и на качелях «лодочках» могла качаться сколько угодно.

– Ну, а что же привело тебя на испанское отделение? – поинтересовалась я.

– Когда в Чили произошел путч, и по радио зазвучали песни Виктора Хары и Дина Рида, я была очарована музыкой испанского языка и объявила родителям, что поеду в Иркутск поступать на испанское отделение. «Только через мой труп!» – такова была реакция моей мамы. Но в середине июля мы с одноклассницей Светой все же улетели в Иркутск, чтобы поступить на подготовительные курсы. Это был мой первый в жизни полет. Свету ужасно укачивало, а меня – нисколько, только уши закладывало... После неудачных попыток снять комнату неподалеку от института мы получили в деканате ордера на заселение в общежитие по улице Ленина, 17. С огромным чемоданом, обитым железными уголками, и самыми радужными надеждами я постучалась в дверь комендантши. Та подозрительно оглядела меня с ног до головы и сказала, что селить никого не будет, дескать, начну водить к себе мужиков и устраивать пьянки, а ей здесь бардак не нужен.

– Интересно, что в твоей внешности могло навести на такую мысль? – подала голос проф-орг нашей группы Женя Клыкова. Она всегда говорила то, что думала. – Юбка до колен, туфли на низком каблуке, ни декольте, ни косметики...

– Вот и я мельком глянула на себя в зеркало, – согласилась Катя, – однако спорить не стала и с чемоданом в руках поплелась обратно в деканат. Общежитие по Байкальской было на ремонте, и нас, абитуриентов, временно разместили в спортзале. Какую-никакую, но крышу над головой мы получили!

– Так ты тоже из спортзала? – удивилась я. – А где стояла твоя раскладушка?

Хомутово считался колхозом-миллионером. В поселке были цивилизованные магазины городского типа, клуб и почта. Однако в кино мы не ходили – боялись возвращаться назад в кромешной темноте, при полном отсутствии освещения.

Однажды мы все же выбрались в клуб. В тот вечер показывали новый фильм «Усатый нянь». Ближе к концу фильма в темном зале кто-то затеял ссору. И вдруг в экран вонзился прилетевший из задних рядов нож.

Испуганные, мы выскочили из клуба и почти бегом вернулись в свою старую школу. Не успели отдышаться и обсудить деревенские страсти-мордасти, как в дверь ввалились двое

местных парней, оба с тяжелыми ножевыми ранениями. Вид кровоточащих ран вызвал всеобщую оторопь.

В то время как мы толпились в растерянности около пострадавших парней, забыв о приобретенных навыках медсестер, Катя Минаева уверенно приступила к делу. Одному наложила жгут на бедренную артерию, другому, раненному в грудь, туго прибинтовала кусок полиэтилена, чтобы в открытую рану не попадал воздух. Кто-то по ее указанию побежал за машиной, чтобы отвезти пострадавших в больницу.

Первые дни погода стояла промозглая. Начинался дождь, и мы дрогли на брюквенном поле, как собачонки, которых не пускал в дом жестокосердый хозяин. К счастью, неподалеку в бытовке механизаторов оказалась печка. Этот крошечный источник тепла стал единственным спасением от сырости.

Когда переставал капать дождик, мы дергали из грязной земли брюкву и бросали на поле, а потом подбирали тяжелые головки и грузили в машины. Работа наша гроша не стоила. Поговаривали, что большая часть выдернутой брюквы останется под снегом, и это лучше, чем сгниет в навозе в коровнике.

Брошенные на необъятное поле, мы не видели стимулов, чтобы работать достойно. Прогнав по рядку, метров пятьсот, мы валялись на солому и, коротая в разговорах время, ждали грузовика. На обед ехали с веселыми испанскими песнями. Знание языка объединяло, как общая тайна.

Задорные студентки, распеваящие песни на непонятном иностранном языке, привлекали повышенное внимание сельской молодежи. Подвыпив для храбрости, парни с криками вламывались к нам в комнату, когда мы лежали на кроватях, читая перед сном:

– А-а, вы тут с книжками? Что, шибко умные?

Как-то, устроив себе небольшой отдых, мы разбрелись по лесу в поисках брусники и грибов. Паша Беликов, предмет всеобщих насмешек и подтрунивания, увязался за Катей Минаевой. Слово за слово, между ними завязался доверительный разговор.

– Почему ты позволяешь другим так обидно подшучивать над тобой? – спросила Катя. – Мужчина не должен быть «тютей», которого будут унижать только потому, что он не способен дать отпор обидчикам.

– Да, это так, – согласился парень. – Меня воспитывали мама и бабушка, и отсутствие мужского начала в семье сыграло свою роль.

Беседуя, они вышли на просеку, в конце которой уже просматривалась деревня. Вдруг из леса выехали верхом на коне трое мальчишек и, не спешиваясь, стали теснить «городских». Спрыгнув с коня, двое старших набросились на Пашу, ударили по лицу, сбили очки.

Катя кинулась загоразивать его собой, но пьяные молодчики доставали кулаками мимо ее головы. «Мы отпустим этого очкарика, если ты останешься с нами!» – сказал один из них. Паша подобрал очки, вытер разбитый нос и пошел в деревню. Тем временем двое старших схватили девушку и потащили под деревья. Их качало из стороны в сторону – они были пьяные вусмерть.

Катино отсутствие было замечено только за ужином, когда все собрались вместе. «Волонтеры» тут же отправились на поиски, разбились на группы и начали прочесывать лес. В непроглядной тьме кто-то заметил далекий огонек костра. Картина, которую мы увидели, подойдя ближе, никак не вязалась с пережитыми страхами и волнением за пропавшую девушку.

Катя сидела у костра, целая и невредимая, а деревенские «налетчики», затаив дыхание и раскрыв рты, слушали ее рассказы об упырях и вурдалаках, о снежных людях и пришельцах с неведомых планет.

Когда встревоженная толпа «городских» выступила из темноты, и ее зачарованные слушатели зашарили вокруг себя в поисках средств для самозащиты, она остановила их одним взмахом руки: успокойтесь, драки не будет.

– А ты домой собираешься? – поинтересовался у Кати преподаватель, возглавивший поиски.

– Конечно. Вы идите, а я за вами.

Толпа развернулась и направилась в сторону деревни, роняя возмущенные реплики:

– А кого, собственно, мы вообще искали?

Катя вернулась в деревню в сопровождении своих новых друзей, которые проводили ее до первых домов.

– А того очкарика мы все равно будем бить, – пообещали парни, – уже за то, что бросил девушку в беде. А ты – молодец, не растерялась. Смелая девчонка!

На следующее утро Паша уехал обратно в город. Возможно, ему было стыдно смотреть нам в глаза. А может быть, он серьезно опасался расправы, обещанной местными мальчишками.

Кстати, потом этот Паша в знак протеста против двойки, которую получил вполне заслуженно, спрыгнул со второго этажа. Ходить он не мог – у него образовались трещины в лодыжках – и парни, которые жили с ним в комнате, сцепив руки в виде сидения, носили его в травмопункт. У преподавательницы, фамилия которой фигурировала в этой истории, были большие неприятности на кафедре и факультете.

Когда колхозная эпопея подходила к концу, Катины знакомые парни неожиданно появились в студенческом стане. Мы увидели их, возвращаясь с поля. Они по-хозяйски рубили дрова и пекли на костре картошку.

На прощальных посиделках у костра всю ночь пели под гитару. Извечному противостоянию городских и деревенских удалось положить конец, и роль миротворца сыграла «странная» девочка Катя Минаева.

Наконец нас вывезли в Иркутск. В день возвращения из глухой провинции я любила этот город как никогда. Все было дорого моему глазу: чистые, выметенные улицы, расцвеченные всеми красками осени деревья, умытые дождем здания. А более всего – людское столпотворение, подтверждающее, что жизнь не стояла на месте. Я бездумно шла туда, куда вела меня толпа, и это доставляло мне огромное удовольствие.

Глава 8. Преимущества общежития

Сам собой решился и вопрос жилья. Петрова Ася, она же Петросян, пригласила меня жить у знакомой бабки в частном доме в отдаленном промышленном районе города. В маленькой комнатке, занятой широкой кроватью, передвигаться можно было только бочком. Но мы привыкли. Простора хватало в институтских аудиториях.

Бабка оказалась покладистой, без всякого норова. Имела маленькое «хобби» – продавала около магазина капусту, морковь. Что-то на барахолку возила. Спать ложилась рано, но в любой момент могла проснуться и сказать, что пора гасить свет. Сама свет не зажигала до тех пор, пока не переставала видеть кончик своего носа. В дела жилищек не лезла. Иногда приглашала к столу отведать своей «стряпни». Готовила дурно. Для наших «утонченных» желудков эта пища казалась грубой, но мы не показывали вида. Грех было обижать старушку черной неблагодарностью.

Что касалось еды, мы не терпели нужды. У нас имелись домашние припасы: тушенка, яйца, варенье. Ася жила в Черемхово и время от времени навещалась домой за пополнением. Приходили из института и, пока топились печка, жарили картошку. На столе было все и, не в пример первому курсу, нас не мучило желание поест «домашнего».

Выпал снег. С наступлением холодов стало очень трудно добираться до института. Переполненные автобусы проходили мимо, не останавливаясь, и обитатели «периферии» подолгу дрогли на остановке. Но мы не роптали. Жизнь научила нас стойко переносить все невзгоды.

Вставать приучились рано. С четырех часов просыпались и ждали будильника. Когда Петросян ночевала без меня, она просыпалась еще раньше, с трех часов, и все смотрела на будильник, боясь проспять.

Иногда мы ехали в Черемхово вдвоем. В семье Петросяна все было по-деревенски незамысловато и просто. Мы мылись в настоящей баньке, спали на больших подушках.

Училась я добросовестно. Занятий не пропускала, понимая, что пропущенная лекция – не отдых для организма, а неудобство, которое впоследствии обернется множеством хлопот.

Конец октября ознаменовался значительным событием. Двое из нашей группы поженились, и для только что образованной ячейки общества под фамилией Бекасовы выделили отдельную комнату.

Когда освободилось одно койко-место в комнате девочек, все «остронуждающиеся» поспешили заявить свои права. Началась настоящая борьба. В ход были пущены все средства. Одна из активисток профкома все силы положила на то, чтобы выбить молодоженам отдельную комнату. Она ни минуты не сомневалась, что готовила место для себя. Но вопрос, кто будет жить в комнате, решали на другом уровне, обходя стороной и деканат, и профком.

Девочки из этой комнаты, предварительно обсудив все кандидатуры, сказали, что возьмут только меня. Женька Клыкова, профорг группы, с деловым видом бегала по институтским коридорам, выбивая мне ордер. Она вела себя так, словно ее слово было последним и обсуждению не подлежало. Ни в деканате, ни в профкоме!

Я была безмерно благодарна девчонкам. Одно смущало: Петросян не хотела оставаться у бабки, и мне было стыдно бросать подругу, думая только о своем благополучии. Я перевезла в общежитие вещи, попрощалась с бабкой. В сравнении с комнатой, где мне предстояло жить, обитель старушки показалась темной дырой.

Собрав в узел постель, Петросян подалась вслед за мной и нелегально разместилась в умывальной комнате. Обитала она там недолго, потому что оказалась беременной на большом сроке и вскоре покинула институт, выйдя замуж.

Когда я поселилась в комнате, здесь уже существовал свой особый микроклимат, и первые дни я присматривалась к девчонкам, пытаюсь понять, какое место занимала каждая из них в этой студенческой семейке.

Заправляла хозяйством, без сомнения, Женька Клыкова, групповой профорг. Она всегда знала, как поступить, какое решение в данной ситуации будет единственно верным. Все проблемы в комнате решались с ее негласного осуждения или одобрения. Я мысленно приклеила Женьке «ярлычок» – *el ama de llaves*. В переводе с испанского языка это означало «хозяйка ключей» и очень верно определяло ее сущность держать ситуацию под контролем.

Она любила поговорить, для нее это было так же естественно, как и дышать, и комната всегда была заполнена ее воркующим говором. Некоторые жизненные сюжеты мы слушали по второму разу, но несколько в другой интерпретации.

Дух спортивной закалки, которым должна обладать каждая девушка, поддерживала Илюшина Таня. Ее тело было гладким и мускулистым, как у тренированного паренька, настроение – веселым и заводным. Правда, в глазах частенько появлялась тихая грусть, происхождение которой не все знали, поскольку в свои дела она посвящала только Женьку. Но я видела, что иногда Таня плакала за шторой, и это было связано с ее парнем Юркой.

Женя Клыкова и Таня Илюшина подружились еще на первом курсе, и летом Женя ездила к Тане в гости в ее родной Пржевальск. Та поездка оставила у нее незабываемые впечатления. Проезжая мимо мусульманского кладбища, она восхитилась красотой надгробий и ухоженностью могил.

В ответ водитель такси сказал:

– Этой бы красоты да вокруг Иссык-Куля в три ряда...

До той минуты Женя была убеждена в реальности дружбы народов СССР, о которой писала советская пресса, говорили по ТВ. Оказалось, не все было так хорошо с той дружбой.

В доме Тани Женя спала в саду под яблоней, с которой свисали спелые краснобокие яблоки, и утром ее будили яркие лучи восходящего солнца. Однажды, проснувшись на своем топчане, она увидела небольшого барашка, привязанного к ограде полисадника. Она с ним приветливо поговорила, даже не догадываясь, зачем его там привязали. Вечером того же дня в доме были приготовлены: кровяная колбаса, плов, кавардак из потрохов, шашлык. Того барашка было очень жаль... В семье Тани Женя попробовала много киргизских блюд: лагман, фунчозу, ашлянфу... Они были очень вкусными, но довольно острыми.

Таня сводила ее в горы – туда, где растут знаменитые тьянь-шаньские ели, пирамидальные красавицы. Они долго шли по жаре и все время вверх, пили ледяную воду из горного ручья. Во время этой прогулки Женя видела в горах обширные поля цветущей конопли. Поля эти никто не искал и не уничтожал. Сырья для наркотиков в Киргизии хватало с избытком. Танина мама работала врачом-психиатром, лечила наркоманов. Больные этим страшным недугом шли к ней даже через границу.

Ночью девчонки ездили на озеро Иссык-Куль. За кустами ивы они раздевались донага и входили в воду. Они лежали в воде, вытянувшись во весь рост, и смотрели на звезды. Над их головами, точно посередине небосвода, простирался Млечный путь. Абсолютно спокойная, ровная, без единой морщинки поверхность озера держала их тела идеально.

Таня ввела для нас ежедневный тренинг – упражнение в виде катания на бедре. Процесс вскидывания напарника «на бедро» через ловкую подножку требовал определенной изворотливости и сноровки. Этот «тренинг» сопровождался приступами бурного смеха, легко поднимал упавшее настроение. Таня никогда не поддавалась унынию, и рядом с ней меня не покидала уверенность в том, что «*la fe mueve las montañas*» (вера сдвигает горы).

В этой же комнате жила староста группы Задорожная Надя. Ее могли называть Эсперансой, что в переводе с испанского значило «надежда». Само имя делало ее причастной к великому таинству под названием «испанский язык».

Девушка была мечтательна и романтична, однако, когда дело касалось выполнения обязанностей старосты, она проявляла несгибаемую требовательность к посещению занятий. Являясь старостой, Надя при этом умудрялась не быть «службой двух господ». Она педантично делала свое дело, невзирая на лица, и даже студенческий бунт против «деспотичности» старосты оказался бессильным изменить ее линию поведения.

Для «своих» Эсперанса стала «элементарной Надькой», фанатично преданной творчеству испанского певца Рафаэля. В день рождения кумира она покупала красную розу и устраивала в комнате настоящее торжество.

Мы вкушали ананас, Надин фирменный торт в виде муравейника и прочие лакомства, и в обмен на «праздник живота» целый день слушали не только «хорошие», но и «заунывные» песни популярного испанца, которых было значительно больше.

Своеобразный характер Эсперансы я определила строчками из песен Рафаэля: «Digan lo que digan» (Пусть говорят) и «Sea lo que sea» (Будь что будет).

Я с радостью окунулась в кипучую жизнь *общего жития*. Общение с девчонками, неизменное присутствие дружеского локтя не шли ни в какое сравнение с одиноким обитанием в съемных квартирах, где карался осуждением каждый шаг, отсутствовала возможность для творческого развития.

Вечерами мы, четыре умные головки, сидели вокруг большого стола и делали уроки. Возникающие при подготовке домашнего чтения трудности преодолевали общими усилиями. Не всегда хватало слов, чтобы равнозначными понятиями транслировать глубокие мысли испаноязычных авторов.

К примеру, «крик души», как эмоциональное состояние человека, нельзя передавать теми же словами, что и «крик осла». Нужно было очень хорошо постараться, чтобы переводимые предложения не напоминали неряшливо одетых людей. Мы и старались.

Стремясь приблизить к себе литературные образы, мы щедро награждали друг друга эпитетами. Ах, какое это было веселье – незримо присутствовать в замысловатых авторских сюжетах! Взрывы дружного смеха сопровождали пылкий поиск языковых эквивалентов.

Подлинная испаноязычная литература познакомила нас с «непереводимым языком постели». Чего значили только эти строчки: «Обнимаясь, ласкаясь, они изощрались в поцелуях: поцелуях-словах, поцелуях-укусах... незрячие, беспомощные, плачущие потом» в то время, как советская литература избегала всяких намеков на присутствие сексуальных отношений между мужчиной и женщиной, видя в их союзе единственное назначение – создание семьи как ячейки социалистического общества.

Постоянной гостьей комнаты была добродушная «домашняя» девочка Галка Ермошина, Hermosa. Мы видели, как ей хотелось ощущать себя членом дружного студенческого сообщества, как чутко она к нам приглядывалась, пытаясь попасть в общую струю веселья. Находясь в изолированной домашней среде, в чем-то она оставалась другой, не похожей на студенток, живущих под общим кровом.

На свой день рождения Галка приглашала всю группу. Они с матерью старались заставить стол обиленным вкусных блюд, пропустить которые было невозможно. Мы возвращались к себе отяжелевшие, заморенные едой. Из рекреации третьего этажа, где проходили танцы, доносились зазывные звуки музыки. Однако мы дружно валились спать, изменяя привычке пойти повеселиться.

Глава 9. Вечер испанской кухни

Второй курс испанского отделения проявил необычайную активность в подготовке вечера испанской кухни. Были приглашены студенты политехнического института. В помещении интерклуба на покрытых скатертью столах красовались приготовленные вскладчину салатики под названием «Хирасол» (подсолнух), украшенные «семечками» из кусочков маслин и «лепестками» из поджаренной картошки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.